

ГЛАГОЛЬНЫЙ «ПОРТРЕТ» В ГРАММАТИЧЕСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Семиколенова Е. И., кандидат филологических наук, доцент

Стаття стосується проблем дієслівної парадигми. Спостереження свідчать про те, що більша частина дієслівних парадигм характеризується як неповна. Це зв'язано як із законами мови, так і з семантикою дієслівної лексики. Особливості кожної парадигми розглядаються у статті на рівні лексико-семантичного варіанту.

This article covers the problems of verb paradigm. Observations convince that the majority of verb paradigms is characterized as incomplete. It can be explained by both common language reasons and semantics of verb lexeme. The peculiarities of each paradigm are studied in the article on the level of separate lexical-semantic variant.

Грамматический «портрет» глагольного слова, а именно состав его парадигмы, описан во всех грамматиках и отражен в толковых и грамматических словарях. К нему настолько привыкли, он кажется таким очевидным, несмотря на свою сложность и разнообразие форм, что на него не обращают внимания, а принимают его как хорошо знакомый и известный образ. Продолжая сравнение с изобразительным искусством, можно сказать, что этот «портрет» написан в традиционной реалистической манере, где каждая деталь тщательно выписана и где за внешним образом лишь угадывается внутреннее содержание. Однако при ближайшем рассмотрении этот «портрет» оказывается весьма и весьма условным, далеко не всегда соответствующим подлинной сущности «героя».

Русский глагол как со стороны семантики, так и со стороны формы, остается очень сложным объектом для описания.

Во-первых, глагол имеет очень разветвленную систему словоизменения и формообразования. По данным З.М.Волоцкой, Т.Н.Молошной и Т.М.Николаевой глагольное слово может иметь 395 форм, включая видовые, залоговые, причастные, деепричастные образования [1, с.147-156].

Во-вторых, не установлены четкие границы глагольной парадигмы, которая, как известно, определяется узко и широко.

В узком смысле глагольная парадигма – это изменение глагола по лицам и числам, т.е. спряжение. В широком – большая парадигма – включает в себя все разнообразие глагольных форм: временных, модальных, причастий, деепричастий, инфинитива.

Установление границ большой глагольной парадигмы связано с теоретическим осмыслением и диагностированием таких единиц, как причастия, деепричастия, вторичные имперфективы. Так, рассматривая причастия и деепричастия как самостоятельные части речи, авторы вузовского учебника «Современный русский язык» выводят их за границы соответствующих глагольных слов [1]. Отсутствие единой точки зрения на видовую пару различных типов приводит к тому, что границы большой парадигмы могут бесконечно расширяться. Например, А.Н.Тихонов убежден, что «в видовую пару объединяются две соотносительные формы глагола, имеющие одинаковые (тождественные) лексические значения и образующие грамматическую оппозицию. Это распространяется на все типы видовых пар (суффиксальные, префиксальные, супплегивные), но специфично проявляются в однозначных и многозначных глаголах, в формах времени, залога, в функционировании видов. Изменение глаголов по видам относится к спряжению, как и изменение их по лицам, числам, временам» [9, с.166-175]. Признание членов видовой пары любого типа самостоятельными лексемами значительно сужает круг грамматических форм того или иного глагола [3, с. 69].

В-третьих, в процессе функционирования реализуется иная, функциональная, парадигма, для которой характерна неполнота с различным числом отсутствующих позиций. Поэтому во многих случаях само понятие "полная парадигма" становится весьма условным. Наличие у глагола полной парадигмы чаще оказывается скорее исключением, чем правилом.

Эту реальность определяют различные причины. В целом их можно разделить на два типа. Это ограничения, связанные с действующими в языке законами (обусловленные системой языка), и ограничения, вызванные семантическими причинами. В первом случае целесообразно, на наш взгляд, говорить об отсутствии форм, во втором – об их функциональной не востребуемости.

Отсутствие формы мы понимаем как невозможность ее образования, которое зависит от вида, класса глагола и т.п. Так, глаголы совершенного вида не имеют форм настоящего

времени, а от глаголов несовершенного вида, как правило, не образуются страдательные причастия прошедшего времени. Кроме того, отсутствие тех или иных форм часто объясняется принадлежностью конкретного глагола к тому или иному классу. Например, формы деепричастия несовершенного вида на *а/я* отсутствуют у глаголов IX класса (тип *сохнуть*), у глаголов X класса (тип *печь, беречь*), у глаголов VI класса с чередованием согласных основы *си* (*писать, вязать, гладить*) и др. [2, с.525-526].

Другой тип ограничений диктуется семантикой глагола. При этом формы могут потенциально существовать, но быть невостребованными, неупотребительными на данном этапе развития языка. Востребованность той или иной формы корректируется нашим когнитивным опытом.

Обычно к причинам первого типа относят и значение переходности/непереходности [10, с.57] Однако, на наш взгляд, решение здесь не может быть однозначным. С одной стороны, значение непереходности – условие отсутствия формы, обусловленное системой языка. С другой стороны, это значение семантическое, реализуемое на уровне отдельного лексико-семантического варианта.

Наблюдения показывают, что состав функциональной парадигмы существенно отличается от традиционной парадигмы.

Покажем это на примере функциональных парадигм многозначного глагола *давить*. Для удобства демонстрации мы используем способ подачи семантики многозначного глагола, предложенный И.К.Сазановой в Словаре «Русский глагол и его причастные формы». в котором, в отличие от толковых словарей, лексические значения глагола группируются по принципу наличия у них свойств переходности или непереходности [5,с.7], а также характеризуется субъект действия (лицо или не лицо). Это облегчает задачу определения закономерностей в образовании и употреблении тех или иных форм.

В словарях глагол *давить* представлен в следующих значениях:

1. *неперх., на что; S не лицо* Снег давит на крышу (прижимать, действуя силой тяжести)
2. *неперх., на что*, также *чем* Мальчик давил кнопку звонка (нажимать, надавливать с силой)
3. *неперех., на что и без дополи.; S не лицо* Задник ботишка давит (сжимать, сдавливать, вызывая ощущение неловкости, боли и т.п.)
4. *неперех., на кого (что)*, также *чем* Новый сотрудник давит на всех своим высокомерием (вызывая гнетущее чувство, тяготить, угнетать)
5. *неперх., на кого (что)* Не дави на меня (оказывать нажим, давление, склоняя к каким-л. действиям, выводам и т.п. разг.)
6. *перех., что; S не лицо* Воротник давит шею (будучи меньшим, чем нужно, по размеру, сжимать, сдавливать)
7. *перех., кого (что)* В троллейбусе Иванова давили со всех сторон (из-за тесноты стискивать, сжимать, не давать возможности двигаться)
8. *перех., кого (что) и что; S не лицо* Тоска меня давит (угнетать, терзать, теснить – о чувствах)
9. *безл.* Почему-то давит в груди (о чувстве стеснения, боли в груди, в сердце, в желудке и т.п.)
10. *перех., что*, также *чем* Колеса машины давили валявшиеся на шоссе картонные коробки (ломать, мять, расплющивать что-л., надавливая)
11. *перех., что*, также *чем* Бабушка давила ягоды деревянной ступкой (сплющивать, разминать что-л., обычно для извлечения сока, масла)
12. *перех., кого (что)* Ребята давили комаров в палатках, но это не помогало (убивать насекомых, прижимая, придавливая)
13. *перех., кого (что)* Толпа бежала и давила сбитых с ног людей (убивать или калечить, сбивая с ног, подминая под себя)
14. *перех., кого (что)* S не лицо Лиса давила наших кур ночью (убивать, сдавливая горло – о животных)
15. *перех., кого (что)*, также *кем и чем* «И только тот один, кто всех собой давил, Свободно и дышал, и действовал, и жил». Н.Некрасов (стеснять чью-л. свободу, притеснять; разг.)
16. *перех., что*, также *чем* Зачем ты давишь инициативу у своих подчиненных своей мелочной придирчивостью?(не давать свободно проявляться; разг.)

Анализ парадигм каждого из перечисленных значений показал, что полная парадигма реализуется лишь в одном случае – при значении 11 [5, с.103] При этом формы кратких страдательных причастий прошедшего времени отмечаются как редкие [5, с.10]. Парадигмы всех других значений – неполные, с разным числом отсутствующих форм.

1-5 значения глагола **давить** – непереходные Поэтому в грамматических парадигмах нет форм страдательных причастий.

6-16 значения – переходные, однако все формы страдательных причастий реализуются лишь в значении 11. Для значений 12 – 15 возможны формы страдательного причастия настоящего времени [5, с.103-104].

Если субъект действия не лицо (1, 3, 6, 8, 14 значения), а также в безличном значении (9), то отсутствуют формы повелительного наклонения и 1 – 2 лица единственного и множественного числа.

Если результат действия негативен (4, 5, 13, 15, 16 значения), то не реализуются формы 1 лица единственного и множественного числа. Форма повелительного наклонения обычно употребляется в отрицательных конструкциях: *Не дави (инициативу, собой, своим видом, авторитетом и т.п.)*

Таким образом, глагол **давить**, отмеченный во всех толковых и грамматических словарях как глагол с полной парадигмой [8, с.143], на самом деле таковым не является.

Как видим, неполнота парадигмы объясняется самыми разными причинами. Наиболее часто они связаны с характеристикой глагольного действия: характером субъекта, лица, наличием/отсутствием объекта, позитивным или негативным результатом и т.п. Среди семантических причин выделим следующие:

1. Значение переходности/непереходности. С одной стороны, отсутствие у непереходных глаголов форм страдательных причастий, действительно, связано с законами, действующими в языке. С другой стороны, переходность связана с одним из основных компонентов семантики глагольного действия, а именно с наличием/отсутствием объекта действия, и поэтому реализуется в процессе функционирования на уровне отдельного значения многозначного глагола. Следовательно, однозначно отнести переходность/непереходность к причинам первого типа не представляется целесообразным. С этих позиций отсутствие форм страдательных причастий на уровне отдельных лексико-семантических вариантов у непереходных глаголов может рассматриваться как причина семантическая, непосредственно связанная с содержанием действия.

В подобных случаях более точной и логичной в словарях является помета «не употр.», которая свидетельствует о том, что форма не употребляется именно в данном значении, тогда как в других значениях (при наличии объекта) она реализуется.

2. Тип субъекта действия: лицо или не лицо. Он определяет возможное количество форм лица и наличие/отсутствие формы повелительного наклонения. Только 3 лица единственного и множественного числа реализуется у глаголов, называющих действие, которое осуществляется субъектом не лицом, и в случаях, когда действие происходит без субъекта (у безличных глаголов и у глаголов в безличном значении). Форма императива отсутствует.

3. Этические причины. Если действие предполагает негативный результат, то глагол, как правило, не употребляется в форме 1 лица (**Я давлю своим видом, инициативу, собой и т.п.*) Императив преимущественно реализуется в отрицательных конструкциях: *Не дави!*

Как видим, функциональные парадигмы, эксплицируемые на уровне отдельных лексико-семантических вариантов, существенно отличаются от парадигм, представленных в словарях.

С этой проблемой фактически сталкиваются составители всех словарей, в которых отражена глагольная парадигма: «В условиях внутреннего и внешнего контекста различные грамматические значения вступают в разнообразные отношения и сложно взаимодействуют. В этом взаимодействии важную роль играют также словообразовательные и лексические значения глагола, особенно переносные употребления слов. Взаимоотношения различных типов значений усложняются также при переносном употреблении грамматических форм, обслуживающих грамматические категории глагола. Взаимосвязь и взаимообусловленность разноуровневых и внутриуровневых значений в глагольном слове недостаточно изучены» [9, с.6-7].

Отсутствие тех или иных грамматических форм глагола обычно отражается в словарях избирательно, в зависимости от опыта составителей, их научной компетенции. Словари

фиксируют отсутствие некоторых глагольных форм в блоках толкования словарных статей. Однако состав помет разрабатывается по-разному.

Так, в Словаре современного русского литературного языка [7] случаи наличия или отсутствия той или иной формы фиксируются пометой «употр.» – употребляется и «неупотр.» – неупотребительный, неупотребительно, которая представлена в списке условных сокращений [7, Т.1, с.35-37]. Например, **Грясти** (*неопр. и прощ. не употр.*) [7, Т. 3, с.375].

Словарь русского языка [6] в список условных сокращений данную помету не включает. Однако в корпусе словарных статей пустые позиции отмечаются. Например, **Гнест** гнесту, гнестешь; *прош не употр.* [6, Т.1, с.320]. **Гнить** ...II (*сов.нет*) *перен.* Приходить в упадок, разлагаться. [6, Т.1, с. 321].

Толковый словарь русского языка С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой в список условных сокращений, принятых в словаре, вводит лишь помету «употр.» – употребляется, употребляющийся, однако в грамматических комментариях к словарным статьям встречается и «не употр.». Например, **Победить**, 1 л. ед. не употр. [4, с.517], **Пылесосить**, -осю и -ошу (в употреблении избегается) [4, с.624].

В целом такой подход действительной картины не отражает. Задачу комплексного описания глагольной парадигмы авторы существующих словарей не ставили. Но, несомненно, словари должны отражать реальную жизнь слова независимо от того, носит ли какое-либо явление индивидуальный или «групповой» характер, охватывает ли оно определенные типы слов или встречается в одном лишь слове.

Наиболее полно грамматическая характеристика глагола отражена в «Словаре-справочнике по русскому языку» [8], авторы которого А.Н.Тихонов, Е.Н.Тихонова и С.А.Тихонов считают, что данный словарь «по объему грамматической информации значительно превосходит все существующие словари русского языка, даже многотомные академические» [10, с.56]. Однако и в этом словаре используется лишь одна ограничительная помета «не употр.» – не употребляется. Например, **Глохнуть**... *повел. не употр.; дееспр. не употр.* [8, с.129-130]; **Гнить**... *повел. не употр.; дееспр. не употр.* [8, с.131].

Нетрудно убедиться в том, что отсутствие формы повелительного наклонения и формы деепричастия у глаголов **глохнуть** и **гнить** связано с разными причинами. В первом случае это причины семантические, непосредственно связанные с конкретной семантикой глаголов. Помета «не употр.», на наш взгляд, здесь уместна, т.к. реально отражает невостребованность, неупотребительность императива, хотя теоретически образование такой формы возможно (*Гний! Глохни!). Отсутствие же формы деепричастия имеет причину другого порядка, а именно – принадлежность глаголов к определенным непродуктивным классам, т.е. связана с историей языка и действующими в нем законами. Такие факты, на наш взгляд, следует отграничивать от фактов первого порядка и фиксировать их пометой «не образ.» не образуется.

Следовательно, система ограничительных помет в толковых и особенно в грамматических словарях нуждается в дальнейшей разработке и в уточнении. Репертуар предлагаемых помет должен отражать не только отсутствие той или иной формы, но и причины, вызвавшие это. (Как, например, в толково-грамматическом словаре «Русский язык и его причастные формы» [5]).

Исследование функциональных парадигм дает возможность более последовательно, адекватно и систематизированно представить реальную структуру глагольного слова и таким образом изменить наши стереотипные представления о формальной организации большинства многозначных глаголов.

Литература

1. Волоцкая З.М., Молошная Т.Н., Николаева Т.М. Опыт описания русского языка в его письменной форме. – М., 1964. – 246 с.
2. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология: Ч. II. – Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960.
3. Милославский И.Г. О семантическом содержании видовой характеристики русского глагола // Язык – система: Язык – текст: Язык – способность. – М., 1995. – С.67-80.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1995. – 928 с.
5. Сазонова И.К. Русский глагол и его причастные формы. – М.: Русский язык, 1989. – 588 с.
6. Словарь русского языка. В 4 т. / Гл. ред. А.П.Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-

1984. – Т.1-4.

7. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. – М.:Л., 1950-1965. – Т. 1-17.
8. Тихонов А.Н., Тихонова Е.Н., Тихонов С.А. и Словарь-справочник по русскому языку. – М.: Словари. 1995. – 702 с.
9. Тихонов А.Н. Русский глагол: Проблемы теории и лексикографирования. – М.: Academia, 1998. – 280 с.
10. Тихонова Е.Н. Грамматическая характеристика глагольного слова в «Словаре-справочнике по русскому языку» // Сборник научных трудов по лексикографии / Отв. ред. В.В.Дубичинский. – Вып. 5. – Гродно, 1998. – С.56-57.
11. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: Словообразование, морфология. – М.: Просвещение, 1987.